

Научная статья

УДК [811.161.1+811.11+811.13]25+159.923

Лингвистические маркеры экстраверсивности/интроверсивности личности в тексте перевода: к постановке проблемы

В. М. Бурунский

Курский государственный университет, Россия, 305000, г. Курск, ул. Радищева, д. 33

Бурунский Владимир Маркович, кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии, vburun@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7233-1197>

Аннотация. Статья посвящена исследованию лингвистических маркеров экстраверсивности/интроверсивности языковой личности переводчика и выявлению их влияния на порождение качественного – гармоничного текста перевода. Материалом для настоящего исследования послужил поэтический текст В. С. Высоцкого «Тот, который не стрелял», созданный в 1970-х гг. В статье представлен анализ переводов данного текста на французский и английский языки, выполненных отечественными и зарубежными переводчиками. В качестве методологии исследования выбрана концепция переводческого пространства Л. В. Кушниной, согласно которой порождение гармоничного перевода происходит в результате синергетического взаимодействия гетерогенных смыслов, предполагающего приращение новых смыслов, естественно воспринимаемых реципиентами принимающей культуры. Этот процесс происходит в сознании переводчика, который принадлежит, согласно прирожденным психологическим характеристикам, либо к интровертному, либо к экстравертному психотипу. Актуальность исследования обусловлена недостаточным вниманием к данному аспекту анализа языковой личности переводчика. В основу исследования положена идея о том, что письменный перевод содержит «следы» психотипа – лингвистические маркеры. Цель статьи состоит в выявлении и интерпретации лингвистических маркеров, характеризующих переводчика-интроверта и переводчика-экстраверта. В результате исследования установлено, что в совокупности с другими характеристиками языковой личности переводчика (национально-культурная принадлежность, гендерная принадлежность, профессиональные компетенции, мастерство, знание исходной и принимающей культур, способность к эмпатии и др.) психотип оказывает определенное влияние как на процесс, так и на результат перевода. Исследование показало общую тенденцию, требующую верификации на материале корпуса текстов.

Ключевые слова: языковая личность переводчика, психотип личности, переводчик-экстраверт, переводчик-интроверт, переводческое пространство, гармония, синергия

Для цитирования: Бурунский В. М. Лингвистические маркеры экстраверсивности/интроверсивности личности в тексте перевода: к постановке проблемы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 271–278. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-3-271-278>, EDN: EDUVOU

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Linguistic markers of extraversion/introversion of a personality in the translation text: Setting a problem

V. M. Burunskiy

Kursk State University, 33 Radishcheva St., Kursk 305000, Russia

Vladimir M. Burunskiy, vburun@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7233-1197>

Abstract. The article studies linguistic markers of extraversion/introversion of the translator's linguistic personality and identifies their influence on the production of a high-quality balanced translation text. The material for this study was the poetic text of V. S. Vysotskiy "The One Who Didn't Shoot", created in the 1970s. The article presents an analysis of the translations of this text into French and English, made by Russian and foreign translators. The concept of translation space by L. V. Kushnina was chosen as the research methodology, according to which the balanced translation is produced as a result of the synergetic interaction of heterogeneous meanings, which involves the increment of new meanings naturally perceived by the recipients of the receiving culture. This process occurs in the mind of the translator, who, according to his innate psychological characteristics, belongs to either an introverted or an extroverted psychological type. The research is relevant since this aspect of the analysis of the translator's linguistic personality is understudied. The study is based on the idea that the written translation contains "traces" of a psychological type – linguistic markers. The purpose of the article is to identify and interpret linguistic markers that characterize an introverted and an extroverted translator. As a result of the study, it has been established that, in combination with other

characteristics of the translator's linguistic personality (national-cultural affiliation, gender, professional competencies, skill, knowledge of the source and host cultures, ability to empathize, etc.), the psychological type has a certain influence on both the process and the result of the translation. The study showed a general trend that requires verification using text corpus material.

Keywords: translator's linguistic personality, personality psychological type, translator-extrovert, translator-introvert, translation space, balance, synergy

For citation: Burunskiy V. M. Linguistic markers of extraversion/introversion of a personality in the translation text: Setting a problem. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 271–278 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-3-271-278>, EDN: EDUVOU

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Историография изучения языковой личности уходит корнями в психологическую теорию личности, разработанную советскими психологами Б. Г. Ананьевым, Л. С. Выготским, С. Л. Рубинштейном, В. С. Мерлиным и др. Позднее языковая личность изучалась в аспекте лингводидактики (Г. И. Богин), лингвистики (трехуровневая модель Ю. Н. Караулова), теории перевода (А. Б. Бушев, Л. А. Нефедова, Л. П. Тарнаева, Т. Г. Пшенкина, Е. В. Чистова и др.).

Современные воззрения на языковую личность переводчика отражены в многочисленных публикациях. Представленная Т. Г. Пшенкиной модель переводческой языковой личности акцентирует внимание на том, что индивид способен осваивать письменный перевод, называя его «специфическим видом речевой деятельности» [1, с. 22]. Как отмечает Л. П. Тарнаева, «языковая личность переводчика может создавать письменные и устные тексты каждого из пяти функциональных стилей» [2, с. 57]. В работе Л. В. Кушниковой и М. С. Силантьевой, посвященной языковой личности переводчика, делается вывод о том, что «переводчик при создании текстов, предназначенных для другого человека, сам получает черты элитарной языковой личности, преобразуя и совершенствуя самого себя, окружающую действительность и людей, которые его окружают» [3, с. 74].

В настоящее время, совершив герменевтический круг, оказавшись в пространстве когнитивного переводоведения, исследование языковой личности переводчика вернулось к психологическим истокам на новом уровне с учетом предшествующих достижений. Появились исследования, посвященные изучению экокognитивной модели перевода, а также работы, направленные на выявление роли переводчиков-экстравертов и переводчиков-интровертов в достижении качественного перевода.

В рамках данного исследования мы намерены рассмотреть языковую личность переводчика сквозь призму интроверсивности/экстраверсив-

ности как его врожденных психологических характеристик, которые, в совокупности с другими характеристиками, как врожденными, так и приобретенными (гендерная принадлежность, национально-культурная принадлежность, эмпатийные способности, профессиональная компетентность и мастерство, эрудиция и интуиция и др.), оказывают определенное влияние на процесс и результат перевода. На наш взгляд, эти исследования откроют новые горизонты современного когнитивного переводоведения.

Прежде чем приступить к анализу, поясним содержание теоретических источников нашего исследования.

Представитель немецкой школы перевода В. Виллс указывает на то, что необходимо учитывать индивидуальные психологические особенности переводчика. Исследователь выявляет взаимосвязь процесса принятия решения переводчика с его характерным типом поведения. В. Виллс выделяет ряд оппозиций, свойственных поведению переводчика: «целеустремленный-колеблющийся («синдром Пилата»), упрямый-скептический, вдумчивый-честолюбивый, находчивый-ограниченный, логичный-непоследовательный» [4, р. 74]. Как отмечает лингвист, переводчик должен избавиться от бессознательного влияния характеристики собственной личности, преобразовать бессознательное в сознательное. В. Вилс отводит важную роль интуиции, однако, по его мнению, интуиция всегда должна следовать за размышлением [4, р. 76].

Немецкий исследователь Г. Эгер обращает внимание на факторы, которые могут помешать достижению функциональной эквивалентности перевода. Среди них: компетенции переводчика, особенности и условия выполнения перевода. Влияние указанных причин ведет за собой неполную коммуникативную эквивалентность перевода или даже ее потерю [5].

К психологическим особенностям переводчика можно отнести также его принадлежность к экстравертам и интровертам.

Еще с древних времен возникла классификация темпераментов, которую связывают

с Гиппократом. Выделяются четыре основных типа темперамента: холерический, сангвинический, меланхолический и флегматический. Исследование экстравертного и интровертного типов личности впервые было предпринято швейцарским психологом К. Юнгом. Как отмечает исследователь, экстравертный тип личности характеризуют такие качества, как интерес к внешнему объекту, отзывчивость и готовность к восприятию внешних событий, желание оказывать влияние и быть под влиянием событий [6, с. 652]. Что касается интроверта, то он пытается постоянно отступить перед другой личностью, старается ее игнорировать, держаться на расстоянии от происходящих явлений и событий, не взаимодействует с ними, выражает очевидную антипатию и негатив, оказавшись в кругу большого количества незнакомых или малознакомых людей [6, с. 654]. Британским исследователем Г. Айзенком также было доказано, что экстраверты обладают высокой социальностью и импульсивностью, у интровертов же эти качества выражены в неявной степени, показатели по этим критериям являются очень низкими [6, с. 688]. Исследователями также выделяется промежуточный тип между экстравертом и интровертом – амбиверт [7]. Согласно теории Г. Айзенка, холерики и сангвиники – это экстраверты, а меланхолики и флегматики – интроверты [7]. С. Л. Рубинштейн отмечает, что все указанные выше типы темперамента могут быть определены корреляцией между импульсивностью и впечатлительностью. Исследователь называет данные критерии основными психологическими характеристиками темперамента. Он отмечает, что холерики обладают сильной импульсивностью и большой впечатлительностью; сангвинический темперамент характеризуется незначительной впечатлительностью и высокой импульсивностью; меланхолический тип обладает сильной впечатлительностью и небольшой импульсивностью; флегматический темперамент имеет малую впечатлительность и слабую импульсивность [8, с. 615].

Г. Айзенк делает вывод, что лишь небольшое количество людей принадлежит только к одному из четырех известных типов [7]. Данный вывод коррелирует с утверждением К. Юнга о том, что контраст между интровертами и экстравертами иногда является неявным, и у части людей данная фундаментальная оппозиция не доминирует в полной степени [6, с. 688].

Существуют классификации, связанные с психологической характеристикой личности в

зависимости от его типа телосложения. В этой связи следует упомянуть эксперимент Ван дер Хорста, который изучал ассоциативные реакции на разные слова. Г. Айзенк отмечает, что, по результатам эксперимента, люди астенического телосложения (3,1%) дают «наиболее бессмысленные и несвязанные ассоциации» [7, с. 63]. Пикники в меньшей степени выражают подобные ассоциации (0,2%). Автор исследования подчеркивает, что подобного рода ассоциации показывают предрасположенность индивида к абстрагированию [7, с. 63]. Данное исследование опирается на типологию Э. Кречмера, который противопоставил четыре вида телосложения человека: лептосоматик, пикник, атлетик, диспластик [9]. А. Г. Асмолов приводит следующие характеристики конституционных типов телосложения. Например, лептосоматики имеют вытянутое лицо, узкие плечи, длинные худые ноги. Крайняя степень лептосомного телосложения обозначается термином *астеник*. Пикники характеризуются следующими параметрами: сильная полнота, живот, круглая голова, маленькая, плотная шея. Мощная мускулатура и широкие плечи характеризуют атлетиков. Диспластиков отличает бесформенное, неправильное строение тела [10, с. 249].

В. П. Казначеев и С. В. Казначеев предлагают называть людей, «реагирующих быстро и сильно на значительные физические нагрузки, но отличающихся слабой переносимостью длительных слабых, монотонных нагрузок... людьми I типа конституции, а других, адекватно реагирующих на сильные и кратковременные нагрузки, – людьми II типа конституции» [11, с. 45]. Авторы приходят к выводу о некоторой соотнесенности типа конституции, типа характера человека и высшей нервной деятельности: например, холерики и сангвиники чаще всего представляют первый тип конституции, а флегматики и меланхолики – второй тип [11, с. 92].

В основу нашего исследования положена идея о том, что письменный перевод содержит «следы» психотипа (интроверта, экстраверта, амбиверта) – лингвистические маркеры. Цель статьи состоит в выявлении и интерпретации лингвистических маркеров, характеризующих переводчика-интроверта и переводчика-экстраверта.

В качестве методологии исследования выбрана синергетическая модель переводческого пространства Л. В. Кушпиной, согласно которой порождение качественного – гармоничного

текста перевода, смыслы которого соразмерны смыслам текста оригинала, становится возможным в результате синергии гетерогенных смыслов [12].

Обращаясь к изучению экстраверсии и интроверсии в профессиональной деятельности переводчика, подчеркнем, что мы разграничиваем понятия *языковая личность переводчика* и *психотип переводчика*.

Языковая личность переводчика – широкое понятие, включающее в себя совокупность психических, этических, социальных, национальных компонентов, преломленных в переводных текстах и дискурсах. Психотип – это врожденное психологическое свойство личности. Иными словами, между этими понятиями возникают родо-видовые отношения. В рамках данной статьи мы намерены акцентировать внимание именно на видовом понятии.

Материал и методы исследования

В качестве материала для анализа мы использовали поэтический текст В. С. Высоцкого «Тот, который не стрелял», созданный в 1970-х гг., а также его переводы на французский и английский языки, выполненные отечественными и зарубежными переводчиками. Стихотворение наполнено большим количеством безэквивалентной лексики, советских реалий. Без наличия экстралингвистических знаний у переводчика передать смысл стихотворения представляется сложным. Л. С. Бархударов отмечает, что у машинного перевода в отличие от человека отсутствуют экстралингвистические знания. Этот фактор и является, с точки зрения исследователя, существенным недостатком машинного перевода [13, с. 37]. По мнению Я. И. Рецкера, экстралингвистический контекст существенно влияет на выбор способа перевода [14, с. 100].

Методология работы строится на нескольких основаниях. Во-первых, мы исходим из положения, доказанного П. В. Симоновым и М. П. Ершовым, о связи между четырьмя типами темперамента, описанных Гиппократом, типами высшей нервной деятельности И. П. Павлова, а также интро- и экстраверсии Айзенка: а) гипоталамус – лобные доли (формирующая сильный, возбудимый тип Павлова и холерика Гиппократа); б) миндалина – гиппокамп (формирующая слабый тип Павлова и меланхолика Гиппократа); в) гипоталамус – гиппокамп (формирующая сильный, уравновешенный, подвижный тип

Павлова и сангвиника Гиппократа); г) миндалина – лобные доли (формирующие сильный, уравновешенный, инертный тип Павлова и флегматика Гиппократа); д) лобные доли – гиппокамп (формирующая экстраверта, слабочувствительного, склонного к торможению типа человека по материалам, приведенным Л. Мартоном и Я. Урбана; е) гипоталамус – миндалина (формирующая интроверта или сильного малочувствительного, неуравновешенного человека по Мартону, Урбана) [11, с. 90].

Во-вторых, мы опираемся на результаты исследований Джона Палмиера, приведенных в работе К. Юнга «Психологические типы», в которой подтверждается гипотеза о том, что склонность продуцировать фантазию наблюдается больше у интровертов, чем у экстравертов [6]. В соответствии с ожиданиями личности интровертного типа получили высокие баллы фантазии, сформулировав больше слов и идей, чем экстраверты [6, с. 688].

В-третьих, в основу анализа положены идеи Л. В. Кушпиной, автора синергетической модели перевода – переводческого пространства, согласно которой в результате синергии смыслов в переводческом пространстве порождается гармоничный текст перевода, смыслы которого соразмерны смыслам текста оригинала и естественно воспринимаются представителями принимающей лингвокультуры [12].

Кроме того, мы опираемся на результаты исследования Л. В. Кушпиной, представленные в главе коллективной монографии «Дискурсивные основания речеведения: научный текст – новое знание – перевод», где понятия *экстраверсивности* и *интроверсивности* впервые рассматриваются в переводческом аспекте [15]. Изучая результаты письменного перевода художественного текста, выполненного в рамках лингвопереводческого эксперимента переводчиками-экстравертами и переводчиками-интровертами, автор выявил некоторые лингвистические параметры, которые являются своего рода маркерами психотипа личности. Речь идет о доминирующих языковых средствах, характерных для того или иного типа личности: «1) доминирование абстрактных языковых и речевых средств в текстах экстраверсивных переводчиков либо доминирование конкретных языковых средств в текстах интроверсивных переводчиков; 2) доминирование скрытых импликаций, характерное для текстов переводчика-интроверта, либо доминирование эксплицитной информации в текстах экстраверта;

3) доминирование креативных языковых единиц в текстах экстраверсивных переводчиков либо доминирование стереотипных языковых единиц в текстах интроверсивных переводчиков; 4) определенность, точность, однозначность высказывания характерны для текстов экстраверсивных переводчиков, в то время как неопределенность, неоднозначность высказывания присущи текстам интроверсивных переводчиков; 5) наличие избыточной информации в текстах экстраверсивных переводчиков либо отсутствие избыточной информации в текстах интроверсивных переводчиков; 6) преимущественное использование информативно значимых слов интроверсивными переводчиками либо широкое использование информативно как значимых, так и “несущественных” слов, включая дополнительные коннекторы и другие связующие слова, для экстравертов; 7) обращенность к читателю со стороны экстравертов, безличность или неопределенно-личностность для интровертов; 8) увеличение объема текста перевода экстраверсивными переводчиками либо уменьшение объема текста (или сохранение исходного объема) интроверсивными переводчиками; 9) преобладание модальности неуверенности, сомнения, размышления в текстах интроверсивных переводчиков и преобладание модальности категоричности, уверенности, незыблемости в текстах экстраверсивных переводчиков; 10) нетривиальные, импульсивные, непредсказуемые, окказиональные переводческие решения в текстах переводчиков-экстравертов либо регулярные, традиционные, предсказуемые, общепринятые переводческие решения, свойственные текстам переводчиков-интровертов» [15, с. 242].

Данные положения послужили теоретической базой проводимого нами эмпирического анализа.

Результаты исследования

В рамках данной статьи мы попытались проанализировать различные варианты переводов фрагментов поэтического текста В. С. Высоцкого с русского языка на французский с позиций доминирования того или иного психотипа языковой личности переводчика. В нашем распоряжении оказались переводы стихотворения «Тот, который не стрелял» на французский язык, выполненные французскими переводчиками братьями Робером и Мишелем Беденами (2003 г.) и Мишель Кан (1977 г.), Леша

(2022 г.) и российским переводчиком Алексеем Тихомировым (2017 г.). Все перечисленные переводы озаглавлены авторами как «Celui qui n'a pas tiré». Мы также обратили внимание на переводы стихотворения на английский язык, которые звучат как «The one who didn't shoot». Это переводы Алека Вагапова (1998 г.), Алексея Тихомирова (2012 г.), Кирилла Толмачева (2022 г.), Петера Струвела.

Отметим, что Мишель Кан – знаменитая французская переводчица, хорошо знакомая и работавшая вместе с В. С. Высоцким. Мишель Беден – известный французский журналист, переводивший Высоцкого вместе со своим братом Робером. Братья Бедены являются тонкими знатоками российской культуры. Благодаря своему опыту, профессионализму, знанию русской и советской культуры французским переводчикам удастся гармонично и адекватно перевести строки поэта.

Строка из данного стихотворения «Однажды “языка” я добыл, да не донёс» [16, <https://wysotsky.com/1036.htm?460>] интерпретируется переводчиками по-разному из-за непривычного значения лексемы *язык*. Так, термин *язык* употребляется в речи работников силовых структур, например в армии, разведке, контрразведке и имеет значение «наименование представителя вражеских сил, захваченного с целью его последующего допроса и, возможно, перевыворки» [17]. Именно в таком значении использует это слово В. С. Высоцкий. Французские переводчики М. Кан, братья М. и Р. Бедены, а также российский переводчик А. Тихомиров успешно нашли адекватный эквивалент *prisonnier (allemand)*: «Un Allemand finit de me fusiller» [16, <https://wysotsky.com/1036.htm?460>].

В то же время в переводе французского переводчика Леша употреблен фразеологизм *la langue bien pendue* («хорошо подвешенный язык»), не имеющий отношения к жаргонному значению лексемы *язык* [16, <https://wysotsky.com/1036.htm?14>]. В английских переводах наблюдается аналогичная ситуация. В большинстве интерпретаций русскоязычных переводчиков термин *язык* гармонично переводится с помощью существительных *prisoner, captive*: «My prisoner was captured behind front line one day» [16, <https://wysotsky.com/1033.htm?1584>]. В то же время в переводе П. Струвела употребляется слово *tongue* («язык»): «One day I added a tongue, but didn't report it» [16, <https://wysotsky.com/1033.htm?1794>].

Главный герой произведения В. С. Высоцкого «Тот, который не стрелял» использует большое

количество разговорной лексики («Я вам мозги не пудрю – / Уже не тот завод»). И если фразеологизм *пудрить мозги* удачно компенсируется французскими фразеологизмами *vendre des salades, raconter des salades, raconter des histoires*, то лексему *завод*, обозначающую в данном случае *запал*, удастся точно перевести только М. Кан: «Je n'en ai même plus la force» [16, <https://wysotsky.com/1036.htm?95>]. При этом *force* не рифмуется со словом из следующей строки.

Братья Бедены используют антонимический перевод, передавая строки «Я вам мозги не пудрю – уже не тот завод» («Je vous assure que c'est la stricte vérité») [16, <https://wysotsky.com/1036.htm?460>]. В переводе сохраняется рифма: *vérité*, которая рифмуется с *fusillé*. Несмотря на отсутствие перевода лексемы *завод*, перевод можно назвать гармоничным, так как смысл, заложенный автором, сохраняется.

Рассмотрим такую характеристику как увеличение объема текста перевода экстраверсивными переводчиками, либо уменьшение объема текста (или сохранение исходного объема) интровертивными переводчиками на примере стихотворения «Тот, который не стрелял».

Так, переводчики М. и Р. Бедены при передаче строки «Немецкий снайпер дострелил меня» не употребляют слово *allemand*. При переводе фразы «Я пил чаек из блюдца» опускается лексема *блюдце*: «Je buvais du thé ...» [16, <https://wysotsky.com/1036.htm?460>]. Авторские строки

«Он выволоч на свет и приволок», содержащие два однокоренных глагола, переведены братьями Беденами следующим образом: «Il a sorti hors de l'obscurité...» [16, <https://wysotsky.com/1036.htm?460>]. Как видно из примера, два глагола заменяются одним *sortir*.

В изучаемом нами переводе опускается также сравнение *как собака*. Сравним оригинал и перевод братьев Беденов: «Я раны, как собака, лизал, а не лечил» («Je ne me suis pas soigné mais j'ai léché mes plaies») [16, <https://wysotsky.com/1036.htm?460>].

В переводах этих же строк, выполненных французской переводчицей М. Кан, наблюдается сохранение исходного объема текста. Например: «Я пил чай из блюдца» («Je buvais du thé à la soucoupe») [16, <https://wysotsky.com/1036.htm?95>]. Строки *Он выволоч на свет и приволок* передаются двумя глаголами *ressortir* и *amener*. Слово сочетание *немецкий снайпер* дословно переводится как *un tireur allemand*: «Un tireur allemand m'avait achevé» [16, <https://wysotsky.com/1036.htm?95>].

В переводе строк, выполненном М. Кан, «Я раны, как собака, лизал, а не лечил» присутствует слово *chien*, благодаря чему максимально близко передаются авторские строки: «Mes blessures, je ne les ai pas soignées, je les ai léchées comme un chien» [16, <https://wysotsky.com/1036.htm?95>]. Сравнительный анализ переводов представлен в таблице.

Сопоставительный анализ переводов стихотворения В. Высоцкого «Тот, который не стрелял»

Оригинальный текст В. Высоцкого	Перевод братьев Беденов	Перевод Мишель Кан
Немецкий <i>снайпер</i>	Un Allemand	Un <i>tireur</i> allemand
Я пил чаек из <i>блюдца</i>	Je buvais du thé	Je buvais du thé à <i>la soucoupe</i>
Я раны, <i>как собака</i> , лизал, а не лечил	Je ne me suis pas soigné mais j'ai léché mes plaies	Mes blessures, je ne les ai pas soignées, je les ai léchées <i>comme un chien</i>
Он выволоч на свет и <i>приволок</i>	Il a sorti hors de l'obscurité	Et pues il a <i>ressort</i> et <i>amené</i>

Подобные расхождения в текстах переводов могут быть объяснены различными факторами. Одним из них, возможно, является такая психологическая характеристика переводчиков Беденов, как интровертность, поскольку в анализируемых переводах наблюдается сокращение объема текста. Уменьшение объема текста, на наш взгляд, в некоторых случаях не позволяет передать все тонкости авторского текста.

В то же время, если сравнивать переводы братьев Беденов и М. Кан, то очевидно, что переводческие произведения Мишеля и Робера

Беденов в большей степени зарифмованы, что говорит о мастерстве переводчиков, а Мишель Кан стремится максимально точно передать язык стихотворения В. С. Высоцкого, зачастую пренебрегая рифмой.

Обсуждение результатов

В нашей понимании, перевод может быть признан гармоничным, т.е. предполагающим соразмерность смыслов текстов оригинала и перевода, при условии владения переводчиком

гармоничным переводческим мировоззрением. Иными словами, и свойства языковой личности переводчика в широком смысле, и его свойства интроверта/экстраверта в узком смысле являются важнейшими факторами создания качественного переводческого продукта. Во-первых, большую роль играет языковая личность переводчика, его национальная и гендерная принадлежность, знание культуры языка-источника и целевого языка, профессиональное мастерство. Во-вторых, нельзя исключить влияния психотипа языковой личности на порождение текста перевода. Как показало наше исследование, особую роль психотип личности может сыграть при передаче безэквивалентной лексики. Можно предположить, что переводчики одного типа темперамента более склонны к передаче устных текстов, другие – письменных текстов. Одни переводчики более удачно передают тексты художественного стиля, другие – научного или публицистического. Переводчики могут передавать авторскую мысль либо креативно, либо стереотипно. Важную роль играет характер влияния интуитивности и рациональности на порождение гармоничного текста перевода.

В рамках данной работы проанализированы тенденции, которые мы можем наблюдать, изучая результаты переводческой деятельности, соотносимые с психотипом личности.

Заключение

Завершим наши рассуждения наблюдением о том, что проблема интроверсивности/экстраверсивности личности, научное осмысление которой началось в первой половине XX в., приобретает новый импульс в настоящее время в связи с развитием междисциплинарных исследований. Антропоцентризм в лингвистике и в теории перевода, а также современное когнитивное переводоведение обращают взоры ученых к субъекту, индивиду, личности, в связи с чем отечественные ученые успешно разрабатывают теорию языковой личности переводчика. В рамках данной теории мы намерены изучить психологический аспект деятельности переводящего субъекта, изучая профессиональную деятельность переводчика-интроверта и переводчика-экстраверта. Мы намерены дальше изучать, каким образом принадлежность переводчика к интровертам или к экстравертам влияет на выбор переводческой стратегии и конкретных переводческих решений. Очевидно,

что индивидуально-личностные, психологические, когнитивные свойства языковой личности переводчика, которые находят лингвистическое воплощение в тексте перевода, требуют дальнейшего изучения и верификации на большом корпусе текстов.

В настоящем исследовании мы проанализировали влияние некоторых субъективных факторов при переводе, попытались проанализировать параметры, раскрывающие связь между сокращением объема текста перевода и интроверсивностью переводчика. Однако это только один из критериев, который мог бы свидетельствовать о данной взаимосвязи. Дальнейшие исследования помогут эмпирически проверить другие критерии интроверсивности и экстраверсивности, о которых мы писали выше, а также выявить соотношение объективных и субъективных факторов при переводе.

Исследование объективных и субъективных факторов с точки зрения переводческого пространства и переводческого времени позволяет выделить «семиотическую ауру» (термин Ю. М. Лотмана) в едином пространстве культуры, которое является частью общего семиотического пространства.

Список литературы

1. Пшенкина Т. Г. Психолингвистические основания вербальной посреднической деятельности. Барнаул : Изд-во БГПУ, 2005. 240 с.
2. Тарнаева Л. П. Концепции языковой личности в контексте проблем переводоведения // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. Серия: Филология. 2008. Т. I, № 2 (13). С. 55–70.
3. Кушнина Л. В., Силантьева М. С. Языковая личность переводчика в свете концепции переводческого пространства // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. Вып. 6 (12). С. 71–75.
4. Wilss W. Kognition und Übersetzen: Zu Theorie und Praxis der menschlichen und der maschinellen Übersetzung. Berlin ; Boston : De Gruyter, 1988. 267 p. <https://doi.org/10.1515/9783110935844>
5. Jäger G., Müller D. Kommunikative und maximale Äquivalenz von Texten // Äquivalenz bei der Translation / herausgegeben von G. Jäger und A. Neubert. Leipzig : Verlag Enzyklopädie, 1982. S. 42–58. (*Übersetzungswissenschaftliche Beiträge*. Bd. 5).
6. Юнг К. Г. Психологические типы / пер. с нем. С. Лорие, перераб. и доп. В. Зеленским. М. : Университетская книга ; АСТ, 1996. 716 с.
7. Айзенк Г. Ю. Структура личности. М. : КСП+; СПб. : Ювента, 1999. 463 с. (Теория личности).

8. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб. : Питер, 2007. 713 с.
9. Кречмер Э. Строение тела и характер : пер. с нем. М. : Апрель-Пресс ; ЭКСМО-Пресс, 2000. 336 с.
10. Асмолов А. Г. Психология личности: культурно-историческое понимание развития личности : учебник. 3-е изд. испр. и доп. М. : Смысл ; Академия, 2007. 528 с. (Психология для студента).
11. Казначеев В. П., Казначеев С. В. Адаптация и конституция человека. Новосибирск : Наука. Сибирское отделение, 1986. 122 с.
12. Введение в синергетику перевода / под ред. Л. В. Кушниковой. Пермь : Изд-во Пермского нац. исслед. политехнического ун-та, 2014. 278 с.
13. Бархударов Л. С. Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода. М. : Изд-во ЛКИ, 2013. 235 с.
14. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. М. : Международные отношения, 1974. 216 с.
15. Дискурсивные основания речеведения: научный текст – новое знание – перевод / под общ. ред. М. П. Котюровой. Пермь : ПГНИУ, 2023. 300 с. EDN: VAVUBH
16. Vysotsky V. in different tongues (Владимир Высоцкий на разных языках). URL: <http://www.wysotsky.com> (дата обращения: 14.09.2023).
17. Язык // Толковый словарь Ушакова. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwi> (дата обращения: 14.09.2023).

Поступила в редакцию 11.03.2024; одобрена после рецензирования 16.03.2024; принята к публикации 08.05.2024; опубликована 30.08.2024

The article was submitted 11.03.2024; approved after reviewing 16.03.2024; accepted for publication 08.05.2024; published 30.08.2024